

С.И. Кормилов

Личность и толпа

<...>

Слово «толпа» дважды использовано в стихотворении 1838 года «Поэт», но по отношению к славному прошлому оно облагорожено: «Твой стих, как Божий дух, носился над толпой...» К прошлому отнесена и славная миссия поэта. Произведение построено на развернутом сравнении. Составляющая большую его часть (шесть строф из одиннадцати) история кинжала имеет и самостоятельное значение. Кинжал наделен человеческими чертами: беспорочностью, верностью, бескорыстием и т. д.; он, слуга и спутник героя, теперь превращен в бесславную и безвредную игрушку на стене. Все это могло быть применено не только к поэту, перед нами не аллегория, а многозначный символ. Но благодаря ему размышления о современном поэте — обобщенной фигуре — насыщаются особым смыслом. Бесспорна перекичка между словами «Игрушкой золотой он блещет...» и «На злато променяв ту власть, которой свет / Внимал в немом благоговенье», между «молясь перед зарей» и «Как фимиам в часы молитвы». То, что поэт «воспламенял бойца для битвы», также находит соответствие в строках о кинжале; в первой части упоминались «забавы», во второй — «чаша для пиров». Эти аналогии усиливают и сопоставление и противопоставление. Язык поэта остается «гордым», но для современников он стал «скупен», их «тешат блески и обманы», в которые, судя по общему смыслу (хотя прямо так не сказано), и превратилась поэзия. Теперь поэт — «осмеянный пророк», и неизвестно, «проснется ль» он. Последняя строфа, возвращая образность первой части, несколько изменяет ее. Прежде сам кинжал, лишенный «ножон», был «игрушкой золотой», поэт сопоставлялся непосредственно с кинжалом. Теперь кинжал — не сам поэт, а его оружие, «железный стих» будущего стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...». В золотых ножнах он заржавел от «презрения» к нему, пренебрежения им. Вопросом о том, вырвет ли пророк из этих ножен свой клинок, стихотворение и кончается. Но это лишь по форме вопрос, а по существу призыв.

<...>